

Тайна янтарных бус

Уж который год Мелея не могла нарадоваться выбранному мужем имени для дочери: Веснику была живым воплощением весны. Смех как ручей, глаза цвета неба и с каждым годом всё ярче расцветающая красота.

Не одной красотой радовала девчушка родителей: росла доброй, внимательной к другим и ловкой в любой работе. Испечь ли пирог или вышить полотенце, спрясть шерсть или заготовить на зиму ягоды и травы – всё ей давалось легко.

Конечно, и жениха Веснике родители желали под стать: у такой семьи всё спориться будет.

Оттого и нахмурила тёмные брови Мелея, когда впервые увидела дочь с возлюбленным. Недобрьими показались ей серые глаза Малюты, а постоянно поджатые губы выдали его упрямство. Но хуже всего было то, что Малюта был из соседней деревни: понимала Мелея, что на таком расстоянии, случись что, дочери она помочь не сможет.

Однако как ни волновались родители, а против воли любимого дитя не пошли. Понимали, что не дорогими подарками сердце дочери завлёк, – так что ж препятствовать? Так что когда заслал Малюту сватов, они быстро сговорились на свадьбу.

Весника в день венчания светилась от счастья, а Мелея тихонько плакала под крики «Горько!»: чуяло сердце матери недоброе, и никак не могла она убедить себя, что дело только в разлуке.

Когда с Весники сняли покрывало и гости направились к свадебному столу, Мелея подозвала дочь к себе.

– Принесли тебе сегодня множество даров, а я подарю особенный, – с этими словами она сняла с себя двурядные бусы из янтаря.

Весника ахнула: никогда матушка с ними не расставалась, не давала играть и не особо носила их на виду. Крупные тёплые бусины, между которыми мелькали серебряные пластинки, приятно легли к коже.

– С бусами этими даю тебе своё благословение и материнскую защиту. Любой, кто захочет тебя обидеть, горько пожалеет об этом. А ты, коли станет плохо или грустно, просто коснись их – и я почувствую.

Не подвело Мелею чутьё. Поначалу молодые жили душа в душу, но через полгода Весника изменилась. Не могла не заметить мать печали в её глазах, теней под глазами и побледневшую кожу, раньше сиявшую румянцем. Сначала дочка отнекивалась, но однажды, когда гостила у родителей, рассказала, что Малюта стал сам не свой: гневливый, постоянно недовольный, неласковый. Весника сокрушилась: старается изо всех сил, а в ответ слышит одни упрёки. Часто застучало после этих слов сердце Мелеи, и сказала она дочери:

– Ты ни в чём не виновата, просто Малюта такой человек. Не кори себя зря. Ну а если совсем худо будет – возвращайся в наш дом! А дальше уже моя с отцом забота будет, – и тихонько, чтобы слышала только Веснику, добавила, – и бусы не снимай.

Легли они спать, и Весника беззвучно, как уже привыкла, заплакала: горько ей было обманывать родителей, но рассказать правду было бы ещё тяжелее. Не показала она матери, как на её белом теле расцвели синяки, оставленные тяжёлой мужниной рукой. Не рассказала, как не единожды запирал он её в горнице без еды и что стала она бояться каждого шороха. Не рассказала, да Мелея и так всё поняла. Что-то ей рассказали птицы, летающие между деревнями, что-то – вода, которой умывалась дочь.

Только как помочь дочери, Мелея не знала. Просто не дать вернуться к мужу было нельзя: никто тогда не помешает выкрасть её обратно и наказать плетьми. Лезть с расспросами в чужой дом – тем более: разговоры да сговоры – мужицкое дело, а ей кто отвечать будет? Заговорить зятя или отворотить от дочери? Никому ещё такие дела добра не приносили...

У Весники был один путь к спасению: ждать, когда муж прилюдно поведёт себя недостойно и во всеуслышание заявить, что возвращается в отчий дом. Но Мелея знала, что такие мужчины, как Малюта, очень хитры и умеют вызывать доверие у соседей. Однако она рассказала о своих мыслях дочери, когда провожала её к мужу. Вздрогнула Весника и злилась краской: глупо было думать, что она сможет обмануть мать.

Но каким бы осторожным ни был Малюта, а всё же злость, всегда живущая в нём, начала его одолевать. Несколько раз он полез в драку, вспыхнув из-за шутливых слов, а после и вовсе до полусмерти избил соседского парнишку, когда ему показалось, что тот как-то неплохо на него поглядел. Он кричал о сглазе и бесах, взывал к ангелам небесным – а сам молотил несчастного руками и ногами.

С тех пор Малюту начали сторониться, но слова поперёк сказать боялись: никому не хотелось повстречаться с его кулаками. К тому же дружки его всегда были рядом и были готовы подхватить любой клич. А кому охота ввязываться в пустые драки?

Весника ходила тише воды, ниже травы, боясь попасться Малюте под руку. Деревенские бабы провожали её грустными вздохами: это была не та смешливая шустрая девка, что Малюта привёз к себе. Весника исхудала, стала бледнее собственной тени и ни с кем не разговаривала: боялась, что муж браниться будет – если не за то, что не нашёл во дворе, так за саму пустую болтовню.

В один из июльских дней Весника возвращалась с речки со стиранным бельём. Сначала она услышала женские крики и плач, а потом увидела, что возле старой избы, заросшей крапивой по остатки крыши, сгрудились бабы да детишки, и почти все плачут.

Весника опустила на землю бадью и подошла узнать, что стряслось. Рябая Леля, трясясь, указала на старый колодец, на пути к которому была вытоптана крапива. В жгучих зарослях на коленях стояла Марийка и, не обращая внимание на лезущие к ней кусачие листья, надрывно плакала. Весника тут же сообразила, что стряслось: младший сын Марийки был непоседой, каких поискать. Как только он начал уверенно ходить, с ним постоянно что-то случалось, поэтому мать старалась всегда держать его рядом. Но работа сама себя не выполнит – отвлеклась Марийка, а Ванюша убежал.

Женщины успокаивали её как могли и пытались вытащить из крапивы.

– Да хоть бы достать его оттуда, чтоб проститься!.. – не слушала она никого.

– Кто ж туда залезет? Мужики в поле, а у ребятишек сил вытащить не хватит.

– Да разве ж кто из мужиков туда пройдёт?

– Ну кто-то из николаевых парней точно! – начали перепиরаться две бабы.

– Я достану Ванюшу, – громко сказала Веснику, – только верёвку покрепче принесите.

От услышанных пересудов ей стало не по себе, да и одна она из женщин могла пролезть в колодец. «Нет худа без добра», – подумала Веснику, думая о том, что ещё год назад была такой же дородной и крепкой, как остальные бабы.

Как только принесли верёвку, оханья и слёзы прекратились. Бабы споро обвязали Веснику и стали её опускать.

Колодец был не очень глубоким, но грязным и склизким. Влажные стены его ударяли в нос затхлостью и горьковатым запахом прелых листьев, что закидывал в колодец ветер.

Когда Веснику полностью скрылась под землёй и её обступила темнота, она услышала тихий плач.

– Ванюша? – тихонько позвала она.

Плач усилился.

– Господи, живой! – пробормотала Веснику и перекрестилась, боясь сглазить.

Плач не прекращался.

– Не бойся, Ванюша, сейчас я отнесу тебя к маме!

Веснику осторожно щупала землю перед собой: не налететь бы на малыша, не напугать ещё больше! Однако под руки попадалась только грязь и перегнившие листья. Ванюша нашёлся у самой стенки, и, когда Веснику нашупала его, ойкнула. Она обняла мальчика, успокоила и прижала к себе. Дёрнула верёвку:

– Поднимайтесь!

Путь наверх показался ей долгим, а сам колодец – тесным. Несмотря на то, что она была всё ближе и ближе к поверхности, запах мёртвого колодца душил её всё сильнее. Но как только Веснику услышала женские голоса над собой и крикнула, что Ванюша жив-здрав, верёвку потянули словно с утробенной силой. Едва их вытащили, Веснику сразу передала мальчика Марийке, которая снова плакала, но уже от радости. Прикрыв глаза от яркого света, Веснику начала отряхивать перепачканный сарафан. Осознав, что толку в этом нет, она пошла к оставленной бадье. Пошла – и едва не споткнулась: рядом с ней стоял Малюта.

Он был настолько пьян, что едва держался на ногах – и у Весники перехватило дыхание от осознания неминуемой браны. Она надеялась, что муж хотя бы не станет кричать на неё прилюдно – куда там! Малюта начал громко упрекать жену в том, что она шляется где ни попадя, а когда женщины заступились за Веснику, сказав, что она спасала ребёнка, не поскупился на грубости и в их адрес.

Веснике от стыда захотелось провалиться под землю, но худшее было впереди: Малюта с такой силой дёрнул её за рукав рубахи, что разорвал тонкую ткань, – и глазам обиженных баб открылось

девичье плечо, красно-синее от побоев. Раздался ропот и возгласы возмущения, а старшие, не стесняясь, высказали Малюте, что думали. Веснику, как могла, прикрывала прореху.

– Закройте свои гнилые рты! Моя жена – чего хочу, то и делаю с ней!

Такого Веснику вытерпеть уже не могла: такое и о скотине, по её убеждению, говорить нельзя. Она оставила рукав болтаться, выпрямилась, повернулась к бабам и сказала:

– Соседки, вы свидетели – с этого часа я больше не считаю Малюту своим мужем и возвращаюсь к отцу.

Из толпы послышались возгласы одобрения. Малюта повернулся к Веснике:

– Ты что себе позволяешь? Тебе кто право дал?!

– Законы предков, – попятилась, но не отвела глаз Весника. – Они велели при разладе говорить среди народа – и я повторю: ты мне больше не муж, я тебе не жена.

Малюта замахнулся на неё, но споткнулся о бадью и потерял равновесие. Веснику отскочила.

Мужчина продолжил ругаться, пытаясь найти опору:

– Катись тогда к чёрту, паршивка! Ему ты теперь жена, а не мне.

Не дожидаясь, когда Малюта встанет, Весника пошла из деревни прочь. Женщины расступились, пропуская её, и, когда она проходила мимо, каждая шепнула ей доброе слово. Малюта, чертыхаясь, всё же поднялся и побрёл в сторону дома, ругая по пути всех женщин света.

Только не помогли Веснике ни добрые слова, ни матушкины бусы. Не успела она дойти до родной деревни трёх вёрст – нагнал её Малюта с дружками. Озлобленный, в ней он нашёл причину своего позора – и решил отомстить. Дружки только подливали масла в огонь, всё больше и больше распаляя его.

Много ли нужно силы, чтобы обидеть хрупкую девушку? Вот и шея Весники легко хрустнула под тяжёлой рукой. Сломанным цветком упала на дорогу Весника. Дружки Малюты отпрянули: знали они крутой нрав вожака, но к такому готовы не были. А он и не думал успокаиваться: стащил девушку за волосы с дороги к огромной иве, что росла поблизости. Думал повесить Веснику на её же косе, но вдруг увидел янтарные бусы, выбившиеся из-под рубахи. Блеснули в вечернем свете коричневые бусины, замерцало серебро – и понял Малюта, что за них можно на ярмарке получить барыш. Дёрнул он бусы изо всех сил, но они не поддались. Это ещё больше разозлило Малюту.

– Малюта, хватит, оставь её! Малюта, пошли отсюда! – уговаривали его дружки, которым давно уже было не по себе, но и убегать мочи не было. – Гроза собирается, возвратиться бы до неё!

– Что, грозы испугались? – пошёл на парней Малюта, скав кулаки.

Не дойдя нескольких шагов до дороги, он остановился. Хмель понемногу уходил, и Малюта начал понимать, что натворил. Он резко развернулся к иве и, вернувшись, стал искать на ней старое дупло, в котором прятался ещё ребёнком. За эти годы дупло растрескалось и теперь превратилось в расщелину, шедшую от самых корней ивы. Малюта поднял тело Весники на руки и стал запихивать её в эту щель.

Когда он закончил, из дупла на него смотрели остеекленевшие и потемневшие глаза Весники. На бледной шее виднелись синяки и тёмным огнём светились бусы. Малюта ещё раз дёрнула за них – и бусины поскакали внутрь ствола, ни одна не выскочила. Слюнув, Малюта вернулся на дорогу. Дружки расступились и шли, чуть отстав. Начался дождь, но шагу они не ускорили. В деревню вернулись, не проронив по дороге ни слова. Бабы, видевшие возвращение Малюты, плакали, провожая шайку взглядом. Всем было понятно, что Весника к отцу не вернулась.

Плакала и Мелея. О том, что дочери больше нет, она поняла, когда её янтарный перстень полыхнул огнём и треснул. Мелея оперлась об стол, встала и медленно подошла к печи. Открыв дверцу, она подбросила несколько поленьев. Пока огонь разгорался, она вышла на улицу и, набрав дождевой воды, опустила в неё лицо. Дождь показал Мелее всё, а после унёс её слёзы.

Вернувшись в дом, Мелея встала на колени перед расходящимся пламенем и сказала:

– Пусть отнявший жизнь и своей лишится по чужой прихоти! Пусть те, кто знал о зле, но не воспротивился, и дальше двигаться не смогут! А те, кто нажиться на смерти попробует, пусть от алчности своей погибнет!

Мелея сняла перстень и кинула его в огонь. Побежало по поленьям пламя цвета крови, посыпались острые, как иглы, искры, повалил из трубы чёрно-красный смрадный дым. Грозда бушевала в ту ночь, оттого и не заметил никто, как подобрался дым к дому Малюты и к домам дружков его.

Наутро Мелея рассказала мужу, что случилось с Весникой. Он не прятал своих слёз по любимой дочери, а дав им высохнуть, вознамерился ехать к Малюте. Когда же Мелея сказала, что Малюта получит по заслугам, по его спине пробежал холодок: никогда ещё Мелея не ворожила супротив людей. А он и не мог, и не хотел, прости господи, её осуждать. Перекрестившись, он отправился в конюшню: нужно было ехать к иве, чтобы проститься с Весникой.

Дерево даже в утреннем свете казалось мрачным, будто произошедшее наложило на него печать зла. Бледное, уже восковое лицо Весники было хорошо заметно на фоне тёмно-серой с коричневыми впадинами коры. Горько заплакали родители Весники – и по дочери, и по себе, – но слёзы не возвращают мёртвых.

– Её нужно похоронить, – сказала Мелея, – раскрой эту щель.

Но муж не двинулся с места. Он смотрел, смотрел на Веснику, потом обошёл дерево, погладил ствол.

– Давай оставим её здесь, прошу тебя. Хочу запомнить её такой, какой она жила, а не изломанное тело. Ты же сможешь зарастить ствол?

Мелея вздрогнула. Всего дважды муж просил её о ворожбе: сначала – дать сил своей умирающей матери дожить до рождения внучки, а в другой раз – облегчить смертные муки любимому коню, сломавшему ногу, поскольку у него самого рука не поднималась.

Кивнув, она погладила Веснику по ледяной щеке и посторонилась, дав мужу поцеловать дочку в лоб. Глубоко вдохнув, Мелея обвила руками иву. Поначалу ничего не происходило, но потом в расщелине коры и в самом дупле стали видны нити, похожие на паутинки. Только нити эти не сияли серебром, а были тусклого серого-коричневого цвета, как ивовая кора. Они накладывались друг на друга слой за слоем, пока не превратились в плотную сетку, за которой почти не было

видно лица Весники. А потом ива задрожала, стала горячей – и тёмные паутинки скрыла кора. Как будто не было у неё огромного дупла, как будто не прятала ива в сердцевине убитую девушку.

Мелея с мужем ещё немного постояли возле дерева и воротились домой. Больно и тяжело было прощаться с любимой дочерью, да колесо жизни назад провернуть нельзя.

Сильна материнская любовь, а проклятье матери её сильнее.

Стали хворать деревенские парни – да не все, а лишь те, что с Малютой знались и были в ту ночь с ним на дороге. Что за болезнь их одолела, никто не знал: ни старики, ни знахарки, ни батюшка. Силы покидали молодые тела быстрее, чем Луна родилась и состарилась.

Не прошло и месяца, как все Малютины дружки стали бездвижными. Молодые крепкие парни, вчера внушавшие страх всей деревне, сегодня стали немощными, как старики: ни рукой пошевелить не могут, ни головой. Хоть и жалели их соседи, а всё ж выдохнули: спокойнее в деревне стало, а наказание такое только за большой грех возможно.

Малюта тоже стал сам не свой: то днями не выходил за ворота, то ночевал и дневал в кабаке. Там он пропил всё приданое Весники – ни единого следа от неё в доме не осталось, будто и не было. Только вот не помогло это забыть о ней: в те дни, что Малюта ночевал дома, соседи слышали, как он кричит по ночам. Но не совесть мучила Малюту, а кошмары. Виделась ему мёртвая Весника, только во сне ли, наяву, различать с каждым днём было всё сложнее. То смотрела тёмными – Мелеиними – глазами, то тянула руки к его горлу, а порой и злобно смеялась, вывернув сломанную шею.

После очередного такого сна Малюта бросил дом и ушёл куда глаза глядят: думал, вдалеке от проклятого места отпустит его наваждение. Шёл то дорогами, то лесом и сколько времени шёл, вскоре забыл. С людьми не знался: поначалу сам их сторонился, а потом и не встречал никого.

Кошмары и правда перестали одолевать Малюту, но им на смену пришла тоска. Чёрное зелье растеклось по телу. Малюте отчаянно захотелось перекинуться словечком хоть с кем-то. Но откуда людям взяться в лесу? Даже разбойники избегают таких чащ. Маялся Малюта да шёл вперёд, откуда-то зная, что встретит людей.

Однажды, уже морозным утром, он проснулся, услышав вдалеке собачий лай. Охотники! Малюта отряхнул нагребённые на себя на ночь листья и поспешил на звук, хотя ослабевшее тело плохо его слушалось. Собаки приближались. Сердце Малюты забилось чаще.

На опушке на него выскочили три огромных чёрных кобеля с серебряными спинами. «Неужто волкодавы?» – удивился Малюта. И больше ничего не успел: один из псов прыгнул на него, целясь в горло. Вцепиться не смог, но на землю повалил. Малюта начал бороться с ним, когда услышал свист. Пёс нехотя отступил, но скалится на Малюту не перестал.

Охотник оказался статным пожилым паном с острым лицом и сильно запавшими глазами. Пока Малюта отряхивался и вставал, он подъехал ближе. Малюта залюбовался конём: тонконогий жеребец с крутой шеей осторожно переступал через ветки и недоверчиво смотрел на похожего на

лесовика Малюту. «Зачем гнать такого скакуна в лес?» – задумавшись об этом, Малюта не заметил, как смотрит на него пан. Да и смог бы он что-то сделать, если бы понял?

Растянув губы в тонкую полосу, всадник крикнул: «Взять!». Волкодавы кинулись на ничего не успевшего сообразить Малюту – и в этот раз никто их не остановил.

Отбиться от трёх собак – ещё и таких! – сил у Малюты не было, но продавать жизнь за гроши он тоже не собирался. Он достал одного пса ножом, но того рана только распалила. Исход борьбы был предрешён, поэтому охотник ударил коня шпорами и уехал прочь. Крики и хрипы Малюты быстро остались позади. Стихли они только к следующему утру.

Что до родителей Весники, то они прожили вместе до старости. Горе ещё больше их сблизило, но не надломило: почти сразу после смерти дочери к ним прибилась сиротка Аглай. Откуда девочка пришла в их деревню, никто не знал, сама же она мало что помнила из-за малолетства. Мелея заметила лишь, что она очень боялась собак и всадников.

Девочка оказалась сообразительной и склонной к травничеству, поэтому Мелея не задумываясь начала обучать её ведовству, и к моменту, когда силы оставили её, в деревне уже знали молодую знахарку.

Мелея с мужем умерли в один день. Ведьма, поцеловав мужа в холодный лоб, заварила волчьей ягоды с дурманом. Добавив щепотку толчёных ягод, Мелея выпила настой и легла, чтобы уже не встать.